

УДК 1:316.61

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ: РЕЛЯТИВИЗМ

В. С. Ерохин

Ерохин Владимир Сергеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Саратовская государственная юридическая академия, v.s.erohin@mail.ru

Статья посвящена выявлению сущности релятивистского подхода к проблеме личностной идентичности и идентификации. В начале работы рассматриваются основные положения данного подхода как методологической базы философского исследования. Утверждается, что релятивистский подход связывается с идеями философов постмодернистов. Исходя из анализа постмодернистской идеи нарративности, а также произошедших в обществе трансформаций, автор делает вывод, что процесс личностной идентичности и идентификации сталкивается с весьма существенными трудностями и противоречиями. Следуя логике релятивистского подхода как методологической базы исследования, указывается, что идея ацентризма, предложенная в системе релятивистских взглядов на культуру, общество и человека, с одной стороны, дает множество возможностей для всесторонней самореализации, основанной на самоощущении и, как следствие, выраженной в максимально индивидуальной самопрезентации в социуме, а с другой – приводит к трудностям в достижении личностной идентичности и реализации процесса личностной идентификации. В заключение делается вывод, что существует принципиальное влияние социальных трансформаций как на внутреннюю, так и на внешнюю сторону личностной идентификации.

Ключевые слова: идентификация, идентичность, личность, релятивизм.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-1-27-31

Проблема личностной идентификации – одна из важнейших в философии, поскольку касается сущностной определенности каждого из нас. Как показывает М. К. Мамардашвили [1], формирование себя как целостного субъекта позволяет человеку определить свое место в мире, что в дальнейшем позволит ему добиться персональной идентичности.

Существует несколько подходов к проблеме личностной идентичности и идентификации, одним из них является релятивистский, реализуемый в идеях постмодернизма, который оформляется на базе принципиальной переориентации с фигуры Автора на фигуру Читателя. Появляется идея «смерти Автора», подразумевающая, что текст понимается как принципиально внеструктурный, т.е. организованный в качестве подвижной «ризомы».

Текст как нарратив должен быть не истолкован, а означен, именно в этом действии реализуется и формируется свобода как таковая, читатель становится источником смысла, субъект теряет центрированность, растворяется в языке.

В результате фундаментальным принципом постмодернистского понимания текста и личности как части культурного текста и самостоятельного текста становится производство смысла текста. Личностная идентичность как текст становится предметом нарративного означивания.

В рамках проблемы реализации процесса личностной идентификации имеет смысл выделять внутреннюю и внешнюю идентификацию и идентичность. Первая связывается с формированием субъектом собственной уникальной системы ценностей, вторая же определяется с помощью совокупности социальных проявлений личности.

Если говорить о внутренней идентичности и идентификации личности, то исследования показывают [2], что в современном обществе был зафиксирован факт так называемого «кризиса идентификации», когда человек оказывается неспособным четко зафиксировать свою позицию по отношению к системе ценностей, транслируемой в обществе: человек не способен зафиксировать самоидентичность. Одной из причин этого можно считать феномен аксиологического ацентризма, а первопричиной – реализацию постмодернистского тезиса о микшированности культуры, которая представляет собой мозаику фрагментов и сколов различных традиций и теряет системность: для нее характерны плюрализм, вариативность, смешение элементов различных культур в конкретных культурных контекстах.

«Кризис идентификации» как социальный феномен заключен в том, что субъект более не способен воспринимать свою жизнь в качестве целостного образования. Личностная идентификация как социальное и как личностное событие утрачивает свою онтологическую определенность и приобретает черты нарратива, или «рассказа», который разворачивается «ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность, то есть, в конечном счете, вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой» [3, с. 384]. Такая процедура «рассказывания», по сути, «творит реальность», одновременно постулируя ее относительность: возникает множественность смыслов нарративов. Личность может приобрести абсолютно произвольное содержание, по-

сколькo нарратив (в случае с личностью – это ее сущность, самость) – это рассказ, который всегда может быть рассказан по-иному [2].

На примере нарративной истории М. А. Можейко показывает, что «смысл события трактуется не как фундированный “онтологией” исторического процесса, но как возникающий в контексте рассказа о событии и имманентно связанный с интерпретацией» [2]. Для культуры постмодерна индивидуальная судьба представляет собой поле, на котором происходит варьирование релятивных версий нарративной биографии: в результате индивидуальная биография становится версией среди версий, вариантом прочтения прожитой субъектом судьбы.

Микшированность культуры и релятивистское толкование личностной идентификации имеет смысл связывать с идеей текучести современности, в которой происходит освобождение человека от различных границ. Люди сталкиваются с огромным количеством навязываний и потеряли свободу приобретения нужных им товаров. Идентификация личности становится товаром, навязанным человеку, он в текучей современности находится в вечном движении, приобретает новые свойства, подталкивающие его, например, приобретать и носить одежду, соответствующую месту, где ее необходимо носить.

Текучесть современного мира отражает свободу человека в нем: все стало открытым, проницаемым, динамичным. Текучесть и проницаемость мира воплощают в себе главную ценность современности – свободу. Вместе с ее приобретением человек сталкивается с отсутствием определенных векторов эволюции личности и общества, в результате в обществе распространяются так называемые «слабые связи»: это приводит к увеличению энтропии и слабости межсубъектных связей, за которыми следует его гипертрофированная индивидуализация, преобразующая человеческую идентичность из «дано» в «найди» и возлагающая на отдельных людей ответственность за выполнение этой «миссии» [4]. Это означает, что личностная идентичность и идентификация становятся своего рода продуктом потребления в обществе текучей современности.

Такое социальное положение позволяет человеку максимально полно раскрыть себя на основании знания о себе. Сознание себя становится основанием формирования уникальной самостийности, свободной от всевозможных преград, характерных для доиндустриального и индустриального обществ. Процесс достижения самоидентичности в текучей современности становится, с одной стороны, гораздо более до-

ступным, а с другой – более точно отвечающим самоощущению и самосознанию социального субъекта, личности.

Идея формирования личности на основании знания о себе раскрывается в идеях М. Фуко, который предлагал рассматривать конструирование субъекта в рамках современной эпистемы в системе отношений «власть – знание». Знание позволяет конструировать человека через его упорядочение: тот, кто владеет знанием, владеет миром, владеет собой, именно поэтому современное «текучее» общество требует от личности определенного знания себя: это относится и к ситуации, в которой бытийствует личность, и к самой личности как субъекту, к ее стремлению выстроить собственный уникальный мир, достигнув самоидентичности.

Другая сторона обозначенного положения дел – обесценивание фундаментализма и субстанциализма, что приводит к утрате смысла жизни. Текучая современность творит некое безликое «мы», где методикой решения проблем становится не какая-либо теория, а набор приемов, практик, примеров [4, с. 68–74]: общественная жизнь превращается в огромное количество частных драм.

Личностная идентификация и идентичность могут приобрести в современном текучем обществе характеристику симулятивности, т.е. они становятся симуляком – ложным знаком, заменяющим что-либо. Это – сконструированный привлекательный символический объект, ориентированный на удовлетворение желаний потребителя, он представляет собой ложное подобие, знак чего-то, функционирующий в обществе как его заменитель.

В современной реальности симулякры перевели социальную реальность в гиперреальность: симулятивной становится темпоральная характеристика репрезентации чего-либо [5]. Современная темпоральность становится холодной потому, что средства коммуникации, вне зависимости от содержания, создают сообщение, в котором реальное, в аристотелевом смысле слова, полностью умирает. Более того, человеку не предоставляется иной реальности, кроме той, что окрашена в своей сути в идеологические тона: идеологические искажение реальности создает множество знаков, которые формируют маску, замещающую реальность [6].

Ж. Бодрийяр в своих работах указывает, что «именно принцип симуляции правит нами сегодня вместо прежнего принципа реальности» [7, с. 44], формируя потребляемые товары, в том числе и личностную идентичность в качестве самодостаточных языков культуры, которые про-

дуцируются и воспроизводятся преимущественно масс-медиа средствами рекламного дискурса, как следствие, личность теряет возможность достигнуть подлинной самотождественности, реализовать в реальности процесс идентификации.

Внешнее самоконструирование личности как ее социальное творение себя может быть понято как самоформирование в форме социальных практик, под которыми понимается совокупность способов существования социальной действительности, проявляющих себя в многообразии общественных сфер деятельности, в то же время это форма воспроизводства социальности в повседневной жизни человека [4].

В литературе сложилась трактовка понятия «социальная практика» как единства двух начал: одно из них связывается со множеством регулярно повторяющихся действий, разделяемых и значимых для всего сообщества, отображающих при этом реальное соотношение сил между материально-экономическим и коммуникативно-символическим началами социума [8]. В этом смысле социальные практики реализуются благодаря социально контролируемым механизмам социализации, влияющим на ее формирование [9]. В рамках этого подхода социальные практики понимаются в качестве социальности как среды реализации деятельности человека.

Другой подход реализуется в идее П. Бурдьё, который понимал социальные практики как способность социальных агентов проверять свои поведенческие акты на соответствие сложившимся представлениям об окружающей действительности. Следовательно, социальные практики представляют собой индикатор доступных для агента моделей поведения в обществе. В этом ракурсе социальные практики понимаются как средство приспособления к обществу [10, с. 276–280], т.е. происходит указание на активную деятельность персоны как социального существа.

В рамках первого подхода социальные практики понимаются как система социально необходимых принципов поведения человека в обществе, а в рамках второго – как показатель способности агента и его средство изменения и конструирования социального мира, а также повседневные поступки [11, с. 548–562]. Средством связи обозначенных подходов можно считать габитус как способность агента свободно формировать и реализовывать практики, играя вместе с тем по законам той практики, которая ограничивает эту производительную способность определенными правилами и процедурами [9]. Это – некоторые устойчивые структуры, которые предрасположены функционировать как структурирующие – принципы, порождающие

практики и представления. Таким образом, под социальными практиками Бурдьё понимает результат деятельности отдельного агента, участника социальной интеракции: социальная практика сжимается до активности отдельного человека. Здесь процесс социализации реализуется через способность индивида создавать и использовать такие модели поведения, которые отражают, с одной стороны, его, индивида, интересы, а с другой – осуществляются социально приемлемыми способами.

Исходя из сказанного, социальные практики могут быть поняты как множество социально и личностно приемлемых способов поведения личности, которые позволяют конституировать и воспроизводить личностную идентичность конкретного субъекта социальных отношений и раскрыть основные способы социального существования персоны, возможные в данной культуре в данный момент истории [12, с. 41–47].

С одной стороны, социальная практика в силу необходимости социализации индивида лишь постоянно воспроизводится им. Рутинизация, общепринятые практики – основание и сущность повседневности. Габитус позволяет сохранить целостность личности социального актора в процессе его повседневной активности и является важной составляющей институтов общества, он предусматривает стабильную основу для воспроизведения человеческой деятельности с минимизацией усилий и для ее институционализации [13, с. 89–92]. Из этого следует, что габитус является основанием для формирования у множества личностей их персональных идентичностей, а также возможности формирования общего основания у разнородных персон [10, с. 277–278].

С другой стороны, реализуется возможность и способность личности сформировать собственную идентичность: это становится возможным благодаря тому, что социальные практики представляют собой «различные упорядоченные совокупности навыков целесообразной деятельности, которые в то же время раскрывают человеку возможности состояться в том или ином социальном качестве» [14, с. 22]. Хабитуальные основания индивидуального социального поведения представляют собой наиндивидуальное основание практической деятельности индивида, позволяющее унифицировать необходимые модели поведения. Вместе с тем хабитуальные основания практической деятельности индивида оставляют возможность формирования индивидуальных социальных практик.

Сущность и функции социальных практик заключаются в том, что они указывают основные способы социального существования,

возможные в данной культуре и в конкретной исторический момент, и позволяют личности, с одной стороны, сформировать идентичность таким образом, что она позволяет состояться в том или ином социальном качестве [14, с. 22], а с другой стороны – полностью реализовать себя в социальных практиках.

Итак, в рамках релятивистского подхода утверждается, что из-за утраты фундаментализма и субстанциализма существуют трудности с достижением внутренней самотождественности персоны: идентичность личности становится симулятивной, вместе с тем у неё появляется возможность полноценно самореализоваться в соответствии со своими интенциями.

Уникальный мир личности может быть связан с формированием системы ее социальных практик, позволяющих реализовать через внешние проявления персональную идентичность. Преимуществом данного подхода к проблеме личностной идентификации и идентичности является то, что персона имеет возможность полноценно выразить себя в системе как внутренних, так и внешних качеств, недостатком же – полное отсутствие точек опоры для фиксации социального единства мира, позволяющего достигнуть соприкосновения множества личностей.

Список литературы

1. Мамардашвили М. К. Необходимость себя. М., 1996. 432 с.
2. Можейко М. А. От постмодерна к пост-постмодерну : современные социокультурные трансформации и

новейшие тенденции философии языка. URL: <http://www.idildergisi.com/makale/pdf/1334438538.pdf> (дата обращения: 05.09.2016).

3. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. 616 с.
4. Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008. 240 с.
5. Демченко В. И. Симулякризация социокультурного пространства // Вестн. Ставроп. ун-та. 2009. № 61. С. 111–119.
6. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999. 234 с.
7. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. 387 с.
8. Дьяков А. А. Теория практик : социально-философский потенциал концепции // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 8–12.
9. Резник Ю. Человек и его социальные практики. URL: http://www.intelros.ru/pdf/chelovek/2008_4/6.pdf (дата обращения: 21.04.2015).
10. Шугальский С. С. Социальные практики : интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 276–280.
11. Шматко Н. А. На пути к практической теории практики. Послесловие // Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 548–562.
12. Барков Ф. А., Сериков А. В. Трансформация социальных практик самоорганизации населения в институты контроля качества публичных услуг // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 3 (5). С. 41–47.
13. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.
14. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб., 2008. 298 с.

Образец для цитирования:

Ерохин В. С. Проблема личностной идентификации: релятивизм // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 27–31. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-1-27-31.

The Problem of Personal Identity: Relativism

V. S. Erokhin

Vladimir S. Erokhin, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, v.s.erohin@mail.ru

The article is devoted to revelation of the essence of the relativistic approach to the problem of personal identity and identification. At the beginning of the work shall be approved by the main provisions of this approach as a methodological basis of philosophical inquiry. The author argues that a relativistic approach is associated with the ideas of philosophers postmodernists. Based on the analysis of postmodern ideas of the narrative ness, and also occurred in the society of transformation the author concludes that the process of personal identity and identification is faced with considerable difficulties and contradictions. Following the logic of the relational approach as a methodological base

of research the author States that the idea of acentrism proposed in the system of relativistic views on culture, society and man, on the one hand, provides numerous possibilities for full self-realization, based on self-perception and, consequently, expressed in the most individual of self-presentation in society, and with another – leads to difficulties in the achievement of personal identity and realization of process of personal identification. In conclusion, the author makes a conclusion that has to be the fundamental impact of social transformations on both internal and external parties of personal identification.

Key words: identification, identity, person, relativism.

References

1. Mamardashvili M. K. *Neobhodimost sebya* [The need itself]. Moscow, 1996. 432 p. (in Russian).
2. Mozheykho M. A. *Ot postmoderna k post-moderny: sovremennye sotsio-khulturnie transformatsii i noveyshie*

- tendentsii filosofii yazyka* (From postmodern to post-postmodern: contemporary socio-cultural transformation and the latest trends of philosophy of language). Available at: <http://www.idildergisi.com/makale/pdf/1334438538.pdf> (accessed 5 September 2016) (in Russian).
3. Bart R. *The death of the author*. Paris, 1967. 43 p. (Russ. ed.: Bart R. Smert avtora. In: Bart R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika*. Moscow, 1989. 616 p.).
 4. Bauman Z. *Liquid modernity*. Cambridge, 2000. 232 p. (Russ. ed.: Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost*. St. Petersburg, 2008. 240 p.).
 5. Demchenko V. I. Simulakhrizatsiya sotsiokulturnogo prostranstva [Simulacrae socio-cultural space]. *Vestnik Stavropolskogo un-ta* [Stavropol State University's Vestnik], 2009, vol. 61, pp. 111–119 (in Russian).
 6. Zizek S. *The sublime object of ideology*. London, 1989. 336 p. (Russ. ed.: Zizek S. *Vozvyshennyy obect ideologii*. Moscow, 2009. 234 p.).
 7. Bodriyar J. *Symbolic exchange and death*. London, 1993. 240 p. (Russ. ed.: Bodriyar J. *Simvolishcheskiy obmen i smert*. Moscow, 2000. 387 p.).
 8. Dyakov A.A. Teoriya praktik: sotsialno-filosofskiy potentsial kontseptsii [The theory of practices: social-philosophical value of the concept]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2011, vol. 11, iss. 1, pp. 8–12 (in Russian).
 9. Reznik Y. *Chelovek i ego sotsialnye praktiki* (Man and his social practice). Available at: http://www.intelros.ru/pdf/chelovek/2008_4/6.pdf (accessed 21 April 2015) (in Russian).
 10. Shugalskiy S. S. Sotsialnie praktiki: interpretatsia ponatiya [Social practices: interpretation of the concept]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2012, vol. 2, pp. 276–280 (in Russian).
 11. Smatko N.A. Na puti k prakticheskoy teorii praktiki: posleslovie [Towards a practical theory of practice. Afterword]. In: Burdie P. *Prakticheskiy smysl* [Practical sense]. St. Petersburg, 2001, pp. 548–562 (in Russian).
 12. Barkov F. A., Serikov A. V. Transformatsiya sotsialnykh praktik samoorganizatsii naseleniya v instituty kachestva publichnykh uslug [The transformation of social practices of self-organization of population in the institutions monitoring public service quality]. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl* [Historical and social-educational ideas], 2010, no. 3 (5), pp. 41–47 (in Russian).
 13. Berger P., Lukman T. *The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge*. Cambridge, 1966. 240 p. (Russ. ed.: Berger P., Lukman T. *Sotsialnoe konstruirovabnie realnosti: traktat po sotsioligii znaniya*. Moscow, 1995. 323 p.).
 14. Volkov V. V., Harhordin O. V. *Teoriya praktik* [The practice theory]. St. Petersburg, 2008. 298 p. (in Russian).

Cite this article as:

Erokhin V. S. The Problem of Personal Identity: Relativism. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 27–31. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-1-27-31.